

остатка высвечены сознанием-мудростью, прадж-ней; Бодхисаттва (пер. «просветленное существо») – просветлившееся божество, ученик Будды, чье сострадательное и доброе сердце не дает оставить страждущих живых существ без помощи в колесе сансары; и наконец, сам Будда (пер. «Пробужденный») – победитель Вселенной, который помимо обычного зрения, обладает глазом мудрости во лбу, наделяющим способностью всевидения. Глаз видит прошлое, настоящее и будущее, видит восьмеричный и срединный пути, видит намерения и поступки всех существ во всех вселенных [14].

Таким образом, буддизм, последовательно отрицая неверное представление о личности (индивидуального «Я»), привязанность к которой создает условия для возникновения цепи кармического перерождения, предлагает качественно иное, абсолютное состояние личности, постижение которой навсегда избавит от земных страданий.

Литература

1. Лысенко, В.Г. Будда как личность или личность в буддизме // Буддийская традиция. – М.: Наука, 1997. – С. 121-133.
2. Там же.
3. Там же.
4. Янгутов Л.Е. Психологические аспекты учения о «спасении» в китайском буддизме // Психологические аспекты буддизма. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1991. – С.39-49.
5. Рерих Е.И. Основы буддизма. – Улан-Удэ: Бурят.кн.изд-во, 1991. – С.21.
6. Пупышев В.Н. «Не-Я» в буддийской теории и практике // Психологические аспекты буддизма. – 2 изд. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1991. – С.33-39.
7. Там же.
8. Религиозно-философский альманах «Дхарма» / Комментарии Его Святейшества Далай-ламы XIV Тензин Гьяцо. – Улан-Удэ: Издательство общины «Дхарма», 1996. Выпуск 1-2. – С. 20.
9. Пупышев В.Н. «Не-Я» в буддийской теории и практике // Психологические аспекты буддизма. – 2 изд. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1991. – С.37.

Сведения об авторе

Цырендоржиева Дарн Шойбоновна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Бурятского государственного университета.

Степанова Лейла Мамедовна - аспирант кафедры философии Бурятского государственного университета.

Data on author

Tsyrendorzhieva Dari Shoybonovna - doctor of Philosophy sci., professor, head of philosophy department of Buryat State University.

Stepanova Leila Mamedovna - post-graduate of the philosophy department of Buryat State University.

УДК 101.1:316
ББК 60.001 (2 Рос)

Д.Ш. Цырендоржиева, Н.С.-Д. Садыева

ПРОБЛЕМА ТРАДИЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье рассматривается история развития обществоведческой мысли в России и роль, которую она играет в исследовании понятия «традиция». Авторы рассматривают вклад Н. Бердяева, П. Флоренского, Э. Баллера и других философов в понимание сущности традиций, а также выделяют характерные черты, определяющие развитие традициеведения в России.

Ключевые слова: культурологические школы, социально-философское осмысление, преемственность, сущность, традиция, традициеведение.

10. Там же.

11. Михалев А.А. Отношение «мир-человек» в Хинаяне и Махаяне // Буддийские традиции. – М.: Наука, 1997. – С.134-143.

12. Чебунин А.В. Социально-антропологический аспект в Древней и Средневековой китайской философии: автореф. дис. канд. филос. наук : 09.00.11. – Улан-Удэ: Издательство БГУ, 2001. – 27 с.

13. Лысенко, В.Г. Будда как личность или личность в буддизме. / В.Г. Лысенко // Буддийская традиция. – М.: Наука, 1997. – С.129.

14. Буддийский мир. – М.: Раритет, 1994. – С.19-31.

Literature

1. Lysenko V.G. Buddha as a personality or the personality in Buddhism // Buddhist traditions. – М.: Nauka, 1997. – P.121-133.

2. The Same.

3. The Same.

4. Yangutov L.E. Psychological aspects of the study about "salvation" in Chinese Buddhism // Psychological aspects of Buddhism. –Novosibirsk: Nauka, 1991. P. 39-49.

5. Rerih E.I. The bases of Buddhism. – Ulan-Ude: Buryat publishing house, 1991. – P.21.

6. Pupishev V.N. "Not - I" in Buddhist theory and practice // Psychological aspects of Buddhism. – Novosibirsk: Nauka, 1991. – P. 33-39.

7. The Same.

8. Religious and philosophical almanac "Dharma" / Commentary of Dalai-lama XIV Tenzin Giatso. – Ulan-Ude: Dharma, 1996. V.1-2. – P.20.

9. Pupishev V.N. "Not - I" in Buddhist theory and practice // Psychological aspects of Buddhism. – Novosibirsk: Nauka, 1991. – P.37.

10. The Same.

11. Mihalev A.A. The relations "world-person" in Hinayana and Mahayana // Buddhist traditions. – М.: Nauka, 1997. – P. 134-143.

12. Chebunin A.V. Social and anthropological aspect in Ancient and Middle-aged Chinese philosophy: abstr. of dis. ... cand. philophical sci. – Ulan-Ude: Publishing Department of Buryat state university, 2001. – 27 P.

13. Lisenko V.G. Buddha as a personality and a personality in Buddhism // Buddhist traditions. – М.: Nauka, 1997. – P.129.

14. Buddhist world. – М.: Raritet, 1994. – P. 19-31.

THE PROBLEM OF TRADITION IN STATE SOCIAL PHILOSOPHY

The history of development the of state idea in Russia and the role it plays in the research of the notion "tradition" are described in this article. The authors take into consideration the input of Berdyaev N., Florensky P., Baller E. and other philosophers into understanding the essence of tradition, and also point out distinguishing features defining the development of research tradition in Russia.

Key words: *culturology science schools, socially- philosophical understanding, succession, essence, tradition, research of tradition.*

В основе социально-философского осмысления сущности традиций изначально полагается сложный и многогранный процесс естественно-исторического формирования особой универсальной формы символического обозначения, устойчивого закрепления, избирательного сохранения и адресного распространения наиболее общезначимых элементов социального опыта, организующего совместную жизнь людей. В этом смысле традиция (лат. *traditio* - передача, придание) - это сложный, комплексный механизм историко-генетической преемственности, без которого не может быть никаких социальных процессов.

В широком смысле именно традиция является тем универсальным механизмом, который поддерживает имманентную связь и преемственность между эпохами и поколениями прошлого, настоящего и будущего развития общества. Без учета традиции понять социально-историческое развитие невозможно. Хотя традиционное общество в плане процессов глобализации понимается пережитком прошлого, тем не менее это не означает, что традиция как феномен исчезла из жизни общества. В узком смысле слова традиция выражает особую социальную форму существования самоорганизующихся и саморегулирующихся подсистем человеческой деятельности. Роль традиции в современном обществе характеризуется нарастающей концентрацией и функциональной интеграцией ее значения в жизни общества. В этом смысле именно традиция как феномен позволяет структурировать вполне обоснованное философско-историческое понимание стабильности и устойчивости общества и выражать в теоретической форме то богатство и разнообразие, которое дает содержательный анализ различных компонентов и сфер общественной жизни.

Важную роль в понимании сущности традиции играет история развития обществоведческой мысли.

На рубеже XIX и XX вв. в России, как и в Европе, произошли крупные изменения в обществе и культуре. Русская философия этого периода оказалась поразительно родственной духовной культуре времени, более того, ядром этой культуры. В сочинениях Н. Бердяева, С. Булгакова, П. Флоренского, Л. Шестова, С. Франка, С. Трубецкого, В. Розанова отразился глубокий интерес к человеку, его внутреннему миру. В русской философии, особенно в XVIII – XIX вв., сложился простран-

ственно-временной подход к осмыслению и восприятию традиции как явления социума.

Так, Н. Бердяев свое пространственное понимание традиции выразил в размышлениях о российской и западной цивилизации и культуре. Следуя сложившемуся пути противопоставления России и Запада, Бердяев уходит от руссоистского вознесения отечественных традиций и проклятий западной цивилизации, а также от призывов вернуться к примитивно-традиционной форме бытия. По его убеждению, российская традиция будет продолжена в своеобразии отечественной цивилизации, не скованной прагматизмом Запада [1]. Временной подход к традиции Н. Бердяев раскрыл в своем учении о преемственности традиции. Н. Бердяев остро поставил вопрос о соотношении преемственности в историческом пространстве России и прерывности. Это же соотношение рассматривалось им и в контексте традиции. П. Флоренский продолжил эту мысль, опираясь на теорию о культурно-исторических типах Н. Данилевского.

Флоренский видит отсутствие единого в пространстве и во времени процесса развития культуры. Есть отдельные развивающиеся культуры, которые замкнуты, локальны по отношению друг к другу. Таким образом, нет единой культурной традиции. Традиция носит внутренний характер для каждой культуры, она локальна по отношению к другим традициям других культур.

Флоренский подчеркивает необходимость традиции, так как она выделяет культуру, делает ее особенной, отличной от других и тем самым противостоит уравниванию культур, которое несет Хаос [2]. Философский анализ традиции первой четверти XX в. строился на культурологическом подходе. Проблема традиции рассматривалась через призму культуры, традиций русского духа.

Традиции и своеобразие национального русского исторического процесса занимали авторов сборника «Вехи»: М. Гершензона, Н. Бердяева, С. Булгакова, Б. Кистяковского, Н. Струве, А. Игумова и других. Сама по себе концепция не была нова для русской философии. Об особенностях русского национального характера и национальной культуры рассуждали Н. Карамзин, А. Пушкин еще в начале XIX века. Но столь высокой научной концентрации анализ феномена русского духа, русской традиции достиг именно в филосо-

фии Серебряного века (В. Иванов, И. Ильин, А. Лосев, Е. Трубецкой и др.).

В центре внимания философов этого периода находилась религиозная традиция. В XX в. активно проводилась идея прерывности традиции, которая опиралась на признание прерывности исторического процесса. Эта проблема стала основной темой философского осмысления в советский период.

Идея прерывности истории рассматривается через историческое развитие России. С момента Октябрьской революции начинает распадаться связь времен, происходит резкая переоценка ценностей. Традиция стала восприниматься как социальное явление со знаком минус: «архаичное», «негативное», «тормозящее» и т.д. Анализ дореволюционной традиции не допускался в связи с расширением конструктивного вульгарно-политического подхода к этой проблеме. В то же время общественно-политическая практика накопления новых, советских традиций только развивалась. Их осмысление началось позже. Сложилась определенная пауза в развитии отечественного исследования традиции, которая завершилась только к началу 60-х гг. XX в.

Как свидетельствует Э.А. Баллер, только в конце 50-х гг. XX в. появились первые статьи, в которых речь шла о преемственности и ставилась задача определения места понятий «преемственность» и «традиция» в системе философских категорий [3]. Исследования традиции в советской науке прошли несколько этапов в своем развитии, которые условно можно соотнести с прошедшими десятилетиями и тем самым хронологически установить их рамки. Эти этапы отличаются друг от друга в методологическом плане, так как эволюция отечественного традициеведения включает в себя формирование различных подходов, точек зрения, концепций, методов.

Конец 50-х – начало 60-х гг. XX в. является в истории нашей страны очень важным периодом, когда происходит надлом прежних тоталитарных структур в большинстве сфер общественной жизни, когда формируется новый философский лексикон, когда наступает время нового прочтения философских проблем и расширения пространства философской рефлексии. Возникает интерес к традиции как воплощению преемственности в рамках материалистической философии. Этот интерес содержит в себе потребность переосмысления философского наследия.

К 60-м гг. XX в. деятельность по внедрению в быт советских граждан новых традиций приобрела широкий размах. Нередко эта деятельность имела целью преодоление религиозных обрядов. Идеологическим отражением формирования новой советской обрядности стали многочисленные печатные работы, подавляющая часть которых не может претендовать на научность в силу своего информационно-описательного характера [4]. Единст-

венная цель этих работ – распространить передовой, по мнению их авторов, опыт обрядового оформления жизни советского человека (демонстрации, торжественные клятвы, социалистические символы и пр.). Но эти работы, на наш взгляд, имели и существенный недостаток. Увлекаясь внешней стороной обряда, многие авторы слабо развивали теоретический уровень, что позволяло допускать досадные промахи на практике, приводившие к реальной угрозе дискредитации в глазах народа этих новых обрядов.

Почти во всех работах информационно-описательного плана и в ряде научных работ допускалась одна и та же ошибка: обычай и традиция рассматривались как явления одного порядка, и в них привлекала только обрядовая сторона. В ряде работ традиции и обычаи рассматривались только как духовные качества, присущие массе людей, и определялись как категории социальной психологии [5].

В 70-е гг. XX в. проблема традиции начинает интересовать этнографов, религиоведов, психологов: Ю.В. Бромлей, З.М. Павлова, Г.Ф. Салтыкова и других.

Несмотря на существенные разногласия, традиция рассматривается уже как универсальное образование, расширяется объем понятия традиции, намечается переход от статического рассмотрения традиции к ее динамическому анализу. Традиция видится как объективный закон развития общественных отношений, как механизм преемственности результатов человеческой деятельности. Происходит некая абсолютизация элементов преемственности в традиции, вплоть до отождествления этих понятий [6]. Увеличение числа работ, посвященных традиции, а вместе с тем и числа точек зрения на ее природу и роль в жизни общества в начале 80-х гг. XX в. привело ряд исследователей к признанию необходимости обобщения материала и создания специальной теории традиций (Э.С. Маркарян, В.Д. Пляхов и др.).

В начале 80-х гг. XX в. появляются и первые отечественные школы изучения традиции. Одной из них является армянская культурологическая школа. Представители этой школы отстаивали мнение о том, что механизм развития традиции находится в ней самой, что традиция находится в постоянном движении, что инновация не противопоставляется традиции, а является одной из сторон функционирования традиции, диалектически противостоящей ее стабилизирующей стороне [7]. Во второй половине 80-х гг. XX в. сформулированная армянской школой проблема соотношения традиции и новации стала одной из центральных проблем отечественного традициеведения. Складываются полярные по отношению друг к другу взгляды на данную проблему – от консервативной (абсолютная актуализация прошлого, новации «запрещены») до новаторской (все ранее создан-

вое не подлежит актуализации, господствуют только новации).

В 90-е гг. XX в. снижается частота употребления термина «традиция». На наш взгляд, это вызвано не ослаблением интереса к проблеме традиции, а тем, что в российском обществе наблюдаются серьезные политические изменения, повлекшие за собой переоценку ценностей, и активным влиянием на отечественную науку западной теории модернизации, которая строила свои концепции на противопоставлении традиции и новаторства. Ориентация на западную теорию модернизации привнесла в российскую науку негативные характеристики традиции. Даже в том благоприятном варианте, когда традицию признавали способной стать носителем и преемником модернизации, ее видели лишь структурой, приспособляющейся к новым возможностям, а не порождающей их, что обрекало традицию на постепенное угасание.

В то же время ряд авторов начинает активно отстаивать позицию некорректности противопоставления традиции и модернизации, так как зачастую традиция противостоит не модернизации, а ломке, деформации, разладу, в которых уничтожаются важные для общества компоненты [8]. Эти обстоятельства повлекли за собой признание необходимости переосмысления понятия традиции с учетом современных характеристик культурного развития. Именно этот процесс и наблюдается на данном этапе отечественного традициеведения. Рассуждая о функциях традиции, большинство авторов в качестве фундаментальной в основном признают функцию аккумуляции и передачи социального опыта новым поколениям. Среди прочих функций традиции выделяют такие, как регулятивная, нормативная функция социализации индивидов, через включение их в ту или иную систему ценностей и др.

Произошло выделение проблемы традиции в качестве самостоятельного объекта теоретического анализа.

Современные философские и культурологические школы в своих исследованиях теории традиции с успехом используют методы и формы анализа, выработанные в отечественном традициеведении на рубеже XIX и XX вв.: регулятивный метод (традиция рассматривается как устойчивое отношение между людьми), нормативный метод (традиция как норма, разновидность социальной регуляции), коммуникативный метод (традиция как разновидность коммуникативной инфраструктуры общества), деятельностный подход (традиция как вид деятельности) и другие.

Традициеведение в 90-х гг. XX в. в России помимо собственного методологического багажа успешно использует и опыт исследования традиции западной наукой. Ставшие в 80-90-е гг. XX в. широко доступными концепции и теоретические положения западных ученых осмысливаются и успешно применяются в отечественных исследованиях.

Можно выделить следующие характерные черты, определяющие развитие традициологии в России:

- отход от статического рассмотрения традиции, преувеличивавшего степень устойчивости традиции и не диалектически противопоставлявшего традицию и инновацию;
- обращение. помимо статичного анализа, к динамичному рассмотрению традиции, особенно в соотношении «традиция - инновация»;
- расширение объема понятия «традиция», утверждение взгляда на традицию как на универсальное образование, бытующее во всех сферах общественной деятельности;
- преодоление жесткого противопоставления рационалистического и традиционного способов регуляции, что позволяет по-новому взглянуть на вопрос о месте традиции в современной общественной жизни;
- более четкое разграничение понятий «культура», «традиция», «обычай», «обряд».

Литература

1. Бердяев Н.А. Судьба России. - М., 1990.
2. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. - М., 1990.
3. Баллер Э.А. Преемственность в развитии культур. - М., 1969.
4. Елимов Е. Новые обычаи и праздники. - М., 1966.
5. Очагов М.С. Славные традиции будущим рабочим. - М., 1958.
6. Спиркин А.Г. Человек, культура и традиция // Традиция в истории культуры. - М., 1978.
7. Методологические проблемы этнических культур: материалы круглого стола. - Ереван, 1978.
8. Ерасов Б.С. Культура, религия и цивилизация на Востоке. - М., 1990. - С. 38.

Literature

1. Berdyaev N.A. The destiny of Russia. - M., 1990.
2. Florensky P.A. Pillar and confirmation of the truth. - M., 1990.
3. Baller E.A. Succession in the development of culture. - M., 1969.
4. Elimov E. New tradition and holidays. - M., 1966.
5. Ochagov M.S. Glorious traditions for future workers. - M., 1958.
6. Spirkin A.G. A man, culture and tradition // Tradition in the history of culture. - M., 1978.
7. Methodological problem of ethnic cultures // The materials from panel discussion. - Erevan, 1978.
8. Erasov B.S. Culture, religion and civilization in the East. - M., 1990.

Сведения об авторе

Цырендоржиева Дари Шойбоповна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Бурятского государственного университета.

Садыева Надежда Сырен-Доржиевна - аспирант кафедры философии БГУ, преподаватель общественных дисциплин Бурятского лесопромышленного колледжа.

Data on author

Tsyrendorzhieva Dari Shoybonovna - doctor of Philosophy sci., professor, head of philosophy department, Buryat State University.

Sadyeva Nadezhda Syren-Dorzhievna - teacher of social science of Buryat forestry college, post-graduate of philosophy department of Buryat State University.

УДК 312.01

ББК 66.02

А.А. Никифоров

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ: ПРОСТРАНСТВО ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматривается пространство, в котором формируется такой сложный процесс, как формирование политического образа. Также проводится анализ факторов сознания человека, которые влияют на конструирование данного понятия.

Ключевые слова: власть, образ власти, пространство, властные отношения, сознание.

A.A. Nikiforov

THE SOCIALLY-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF FORMATION OF AN IMAGE OF THE POLITICAL POWER: THE SPACE OF POWER RELATIONS

This article considers the space where is formed such a difficult process as formation of a political image, and also the analysis of factors of consciousness of the person which influence the designing of this concept.

Key words: power, political image, space, power relations, conscience.

Современное состояние демократического общества является крайне стратифицированным в смысле его духовно-политической составляющей, а это коренным образом влияет на расслоение социума на несколько слоев «бытийного» состояния. Процесс формирования образа большей частью зависит от данности в настоящий момент существования объекта власти. Иначе говоря, «Бытие определяет сознание», или, если говорить шире, населению нужен «общественный смысл бытия».

Научная литература полна самых разнообразных определений власти, к ним можно добавить и различные способы употребления данного термина, все это создает довольно много проблем для политико-философской практики. Поэтому представляется правомерным и необходимым идентифицировать власть как многогранный, целостный, универсальный социокультурный феномен, который является продуктом (а не только «целью», «средством») человеческой деятельности, впитавшим в себя ее смысложизненное содержание в том виде, в котором оно выражается в традициях, ценностях и нормах материальной, духовной, правовой, политической культуры общества, а потому в них обретающим свое прочное основание. В этой связи исходное определение - власть как «авторитет всеобщих установлений» [1].

Власть политическая – это такая форма власти, которая устанавливает и регулирует систему отношений в социуме, формирует стратегическое целеобразование общества, сохраняя старую или формируя новую картину мира, мировоззрение,

жизненную позицию и образ жизни. Собираемый образ политической власти формируется в процессе последовательных умозаключений людей, на которых направлена деятельность властных структур.

В данном контексте огромное значение приобретает восприятие власти - сложнейший процесс, определяющий взаимоотношения политической системы и личности [2].

Под образом власти понимается комплексная, социально-обусловленная система представлений о власти, отношений к ней и государственной системе управления.

Иными словами, под пространством власти мы подразумеваем синтетическое философское понятие, социальное пространство, организованное, структурированное, стратифицированное определенной исторически сложившейся совокупностью властных технологий.

Для обнаружения того, что Хайдеггер называет собственным существом пространства, немецкий философ призывает прислушаться к языку, проанализировать этимологию самого этого слова. В слове «пространство» как бы заключено понятие «простор». А это, полагает Хайдеггер, значит нечто просторное, свободное от преград: «Простор несет с собой свободу, открытость для человеческого поселения и обитания» [3]. И вот тут в данный простор вторгается та самая власть, которую мы все знаем, чувствуем и ощущаем.

Власть стремится подчинить себе, стратифицировать все природные и географические среды и